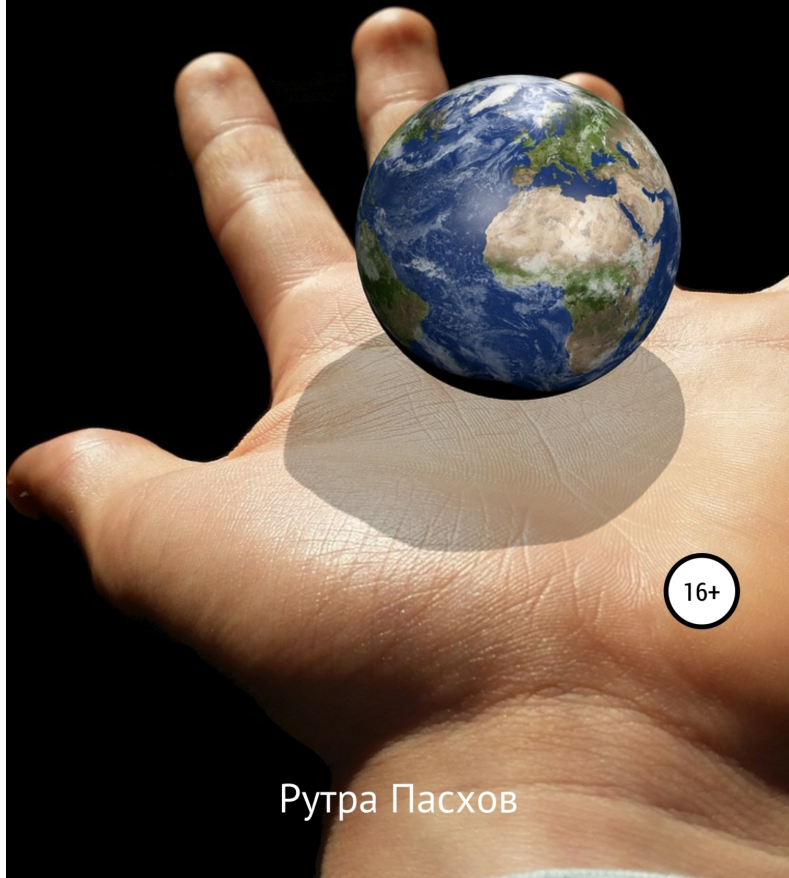

Бинарный код

ЦЕНТР «ЗЕРО»

16+

Рутра Пасхов

Рутра Пасхов
Бинарный код 1. Центр «Зеро»
Серия «Бинарный код», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40517521

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-98112-6

Аннотация

Существовала ли на Земле цивилизация до нашей? Одни считают – да, другие – нет, но все подозревают, что есть тайные организации, которые влияют на ход нашей истории. Эта книга о такой структуре. Книга будет интересна любителям тайн, захватывающих приключений и желающим заглянуть за фасад суперсекретности. Нереальная реальность рядом с нами, однако не все её видят. Мы не хотим осознавать, что мир и жизнь существуют в тонком «коридоре» бытия, но, открывая тайну за тайной, вынужденно это признаём.

Содержание

Глава 1. Вначале было событие	4
Глава 2. Где находится ноль?	16
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рутра Пасхов

Бинарный код

1. Центр "Зеро"

Глава 1. Вначале было событие

Кто управляет прошлым, тот владеет будущим.

Это был обычный день, вернее, утро, и в нем не должно было случиться ничего необычного, точнее – прямых предпосылок к этому не было, однако, как обычно, случилось нечто необыкновенное. Многие считают, что время не материально, что оно не имеет физической субстанции, что если не будет физической составляющей, хотя бы одной частицы ядра атома, то и времени не будет, так как нет того, относительно чего его можно измерить. Как известно, история учит людей тому, что ничему не учит, и время как самостоятельное, независимое событие постоянно это доказывает. Доказывает, что оно есть, вне зависимости – есть ли что-либо еще, кроме него. Вот и на этот раз время в очередной раз дало трещину. Его составляющая не выдержала искусственного изменения его хода и во всеуслышание прокричала: «Пришло мое время!» В это утро время и дало трещину, и «колесо» истории покатило в очередную неизведанную даль.

– Рутра Тигрович Пасхов, почему Вы спите, время Вас ждать не будет! – в своей полушуточной манере прокричал возле его шконки капитан Климов.

– Что случилось? Я был на вахте, – промурчал Рутра, кинув недовольный взгляд на дежурного, означающий: «Как вошел? Почему не предупредил?»

Хотя Климов был старше по званию, он не имел уровня допуска в особо секретную часть объекта.

Зная манеры Климова, Рутра понимал, что он в курсе, что там произошло в стране, поэтому думал не об этом, а о том, почему он так выразился. Видимо, хотя их структуре все было заранее известно, столкновение сил было столь масштабным, что исход все же был непредсказуем.

Это было утро 18 августа 1991 года. Дальнейшие события были всем известны, а их внутренняя структура и причины, приведшие к ним, являются объектом многочисленных споров и конспирологических версий.

В период, когда менялось все, что могло меняться, и меняли все, что возможно поменять, когда любимая страна превратилась в нечто для одних, а для других наконец-то исчезла, начались данные события и длились до наших дней.

Рутре повезло быть причастным к некоторым тайнам и особо важным ценностям государства под названием Советский Союз. Так же, как и у многих людей, которые имели отношение к существованию той системы, у него сложился определенный тип личности. Многие люди, которые не знали, в чем состоит сила системы и на чем она держится, не могли понять этих людей. Эти люди были из той категории, которые никогда не произносили слов впустую. Каждое слово, жест, действие, поступок и даже мимика имели свое значение. Так уж система их воспитала. Таких, как они, принято называть бывшими; про них говорят, что «у них бывших не бывает». Впрочем, они не те, что известны как те, у кого «не бывает бывших», потому как о тех знают если не все, то

эти точно, а об этих не известно ничего. Хотя и эти люди остаются людьми с их людскими понятиями о бытие, тем более в рамках социального экономическо-политического «поля», на коем их вырастила система ценностей, которую они были призваны защищать. Поэтому на перекрестке истории, которая дает не только сбой и трещину привычному укладу жизни, но и новый выбор и возможности, многие приняли ту позицию, которая им была ближе по духу. Получив свободу выбора, люди показали свою истинную сущность. Оказалось, что многие не готовы жертвовать собой – не только жизнью, но и временем и образом жизни, а хотят больших и легких денег. И ради этого они готовы поступиться моральными и этическими табу. Другие же не могли перешагнуть через свою совесть и пытались не только не перегибать моральные устои, но и зарабатывать честно в новом мире, где большинство забыло эти принципы.

Многие оказались на перепутье. Рутра попытался устроиться как-то в жизни и пристроить друзей. Друзья, товарищи и начальство его не забывали, как и он не забывал друзей и товарищей, так как дела, которому они были обучены, как такового не было. Хотя многое из нового было риском для жизни и риском для свободы, оно было все же близко по духу Рутре и компании.

Это были люди, которые сами по себе жить не могут без этого. Поскольку особо было выбирать не из чего, Рутра соглашался на разные спецоперации. Суть дела была в том, что

нужно было под видом туристов, бизнесменов, представителей общественных или религиозных организаций (одним словом, под чужими документами) выезжать за границу для контактов с разными спецслужбами.

Дело в том, что то, что видят и слышат обычные граждане, сильно отличается от того, что есть на самом деле. Спецслужбы имеют негласный договор не разглашать суть их существования, даже если они противники. А суть работы заключается в том, чтобы они существовали и постоянно были у власти. На самом деле – существует миф о том, что к власти можно прийти, так сказать, честно. В чем вопрос? Все происходит вроде бы так, но никто никогда не будет «верховой» властью без разрешения тех, кто уже является «верховой» властью. Эту власть никто никогда не должен видеть. Это логично. При желании можно с детства воспитать в нужном духе, подготовить человека и довести его, через все процедуры и промежуточные звенья, до любого уровня власти. Получив эту власть, он может создать иллюзию свободы выбора. А это уже когда-то случилось и «верховой» власти было не нужно.

Суть работы заключалась в том, что нужно было собирать, расшифровывать, фильтровать и систематизировать информацию, полученную с помощью визуальных, электронных, гласных, негласных, открытых и закрытых источников. Методы, объекты и субъекты сбора могли быть самые разные, от привычного копирования, перехвата данных и кражи до

фантастических невербальных коммуникаций с использованием гипноза и психотропных средств.

Однако один из методов, по которому, словно с помощью пазлов, собиралась истинная картина, был наиболее трудоемким, хотя и наиболее достоверным. Агенту буквально годами приходилось сидеть на одной «точке» и наблюдать, с использованием спецтехники и без таковой, за секретным объектом. Лучше, конечно, было, если агент был внедрен на объект, работал в какой-либо второстепенной роли. Для этого подходил даже дворник. «Секретный» объект мог не быть секретным официально по статусу, однако режим, регламент, функционирование его имели важное значение. Например, сведения, полученные с мест жительства, проведения досуга лиц, которые обладали научной, коммерческой, военной или политической информацией, могли оказаться более значимыми, чем сведения, почерпнутые из документов с секретных объектов. Надо было записать все: кто куда уходит, откуда приходит, режим дня, учения, ремонт, время запуска и остановки агрегатов, фоновые показатели и многое другое, на первый взгляд кажущееся незначительным. Вплоть до того, когда какая дверь открывается, когда и где включается и выключается свет, что и сколько едят, пьют, слушают.

Использование спецтехники было ограничено, она сама могла быть причиной рассекречивания, однако в современном мире информация, проходящая по сетям и системати-

зированной в программах, была сродни кладу.

Таких «смотрителей» было много на разных объектах. Это называлось «негласное наблюдение». Так, в течение недель, месяцев, лет «смотрители» записывали в виде басен, стихов, рассказов все, что происходило на объектах, которые их интересовали. Из этого складывалась картина того, как работает объект, как он взаимодействует с другими объектами. Вся информация собиралась в «первый круг» анализа. В «первом круге» анализа составлялся определенный алгоритм происходящего. Потом всю ситуацию переводили на «второй круг» анализа, в котором уже более детально оформлялись и обозначались наиболее важные объекты, от которых зависела работа всех остальных объектов.

Вся информация с таких центров отправлялась во внешний центр, который мог находиться совсем в другой стране. Там складывалась полная картина того, как функционируют, например, группировки военно-морских сил. Затем все данные стекались во внутренний центр внешнего центра. В итоге там прекрасно знали, где находится интересующий субъект, тот или иной сотрудник, офицер, представитель, член команды, как функционирует объект или руководство, кто куда идет, к кому, зачем, какие поставки откуда, куда и к кому идут, какие ведутся разработки, какие достигнуты тайные договоренности и многое другое. Все это сопоставлялось с данными, которые приходили от других агентов, точнее, шпионов, добавлялись данные, которые просто покупа-

лись.

Получалось, что никаких секретов не существует. Все секреты были только в том, что и как программируется – например, коды и шифры. Это был современный мир, в котором варианты действий просчитывали, подобно шахматной партии. То есть, например, ГРУ прекрасно знало возможности шестого флота США, количество человек, классификацию оружия, как оно стреляет и что можно с ним делать. Но какой приказ поступит и куда он направится, каков будет тактический ход? Это было неизвестно. Угадать это было достаточно трудно, поэтому рассчитывались все возможные варианты.

Мировая карта похожа на шахматную доску. А если к этому добавить еще и погодные явления, случайные события типа цунами, землетрясений или магнитных бурь, то получалась масса возможных вариантов. Поэтому решено было это тоже взять под контроль. Чтобы это взять под контроль, было придумано тектоническое оружие и оружие, воздействующее на погоду, например – HAARP.

Так как спецслужбы в курсе, что они друг о друге все знают, существует договоренность о тайном сотрудничестве, но так как каждый «ложку себе в рот кладет», каждый пытался что-то скрыть. Например, по договору о сокращении ядерного оружия – у межконтинентальной ракеты должен быть один заряд, но в обход этого договора ставилось несколько. Естественно, всегда скрывалось наличие систем, воздействующих на нервную систему, психику и сознание человека.

Так Рутра, работая аналитиком, а затем начальником внешнего центра, провел несколько лет. Чтобы это скрыть, все оформлялось как поездки по бизнесу, дела или просто туризм. Иногда ему приходилось направлять агентов, следить за объектами, назначение которых ничего важного, как ему казалось, не представляло. Центру почему-то они были важны.

На самом деле – основная масса информации получалась из открытых источников. На западе это сделать было легко, можно было даже нагло собирать информацию, прикрываясь благой, профессиональной деятельностью. В России, тем более в СССР, за это в лучшем случае можно было «загреть на зону». А там все было проще. Например, был такой случай, о котором рассказывал Рутре его гуру в период его стажировки по США.

В 1970-е годы выпускнику юридического колледжа Джеймсу Бэмфорду наскучило заниматься адвокатской практикой, поэтому он избрал профессию репортера, а по совместительству работал сыщиком в частном сыском агентстве. Идея написать книгу об АНБ пришла журналисту в 1979 году, когда он обратил внимание, что имеется множество книг, посвященных Центральному разведывательному управлению, но нет практически ничего об Агентстве национальной безопасности.

В те времена подавляющее большинство американцев понятия не имело о существовании такой спецслужбы. Не слы-

шали о ней и в издательстве Houghton Mifflin, куда Бэмфорд обратился со своим предложением. Однако напористому репортеру поверили, дали аванс в 7 500 долларов и срок в три года. Как вспоминал позже Бэмфорд, юридическое образование и опыт работы сыщиком чрезвычайно помогли ему в процессе написания «Дворца загадок».

Бэмфорд начал поиски с чтения всего, что смог найти об АНБ в публичных библиотеках. Но этого оказалось ничтожно мало. Поскольку данные о сотрудниках и средствах АНБ отсутствовали в официальных справочниках Пентагона, Бэмфорд начал раскапывать связанные с этим доклады и отчеты о слушаниях в Конгрессе. В примечаниях к отчетам комиссии сенатора Фрэнка Черча, расследовавшей деятельность разведывательного сообщества в середине 1970-х, Бэмфорд обнаружил ссылки на десятки специфических документов. Эти документы стали основой его первого трехстраничного запроса в АНБ на основании Акта о свободе на доступ к информации – FOIA. Тут же выяснилось, что АНБ практически полностью выведено из-под действия FOIA на основании принятого еще раньше закона, защищающего данную организацию от любых попыток раскрытия ее деятельности. Так что первый запрос Бэмфорда был отвергнут полностью.

Ничуть не смутившись, журналист вновь вернулся в библиотечные хранилища. Полный список телефонных номеров военных объектов США, расположенных по всему ми-

ру, не дал никакой информации о том, какие из номеров могли бы соответствовать секретным постам радиоперехвата АНБ. Отчеты подкомитета Сената, занимающегося финансированием военного строительства, были тщательно очищены от каких-либо ссылок на объекты АНБ. Однако въедливый Бэмфорд заметил, что, когда секретная база решала построить корт или баскетбольную площадку, запросы оказывались несекретными и проявлялись в отчетах комитета. С помощью перекрестных ссылок между военными телефонными справочниками и подобными запросами, а также аналогичными ничем не примечательными данными Бэмфорду удалось составить почти полный список пунктов радиоперехвата глобальной сети АНБ.

Одновременно журналист начал поиск личных документов сотрудников радио-разведывательного сообщества США.

Ряд других важных источников информации был обнаружен в библиотеке.

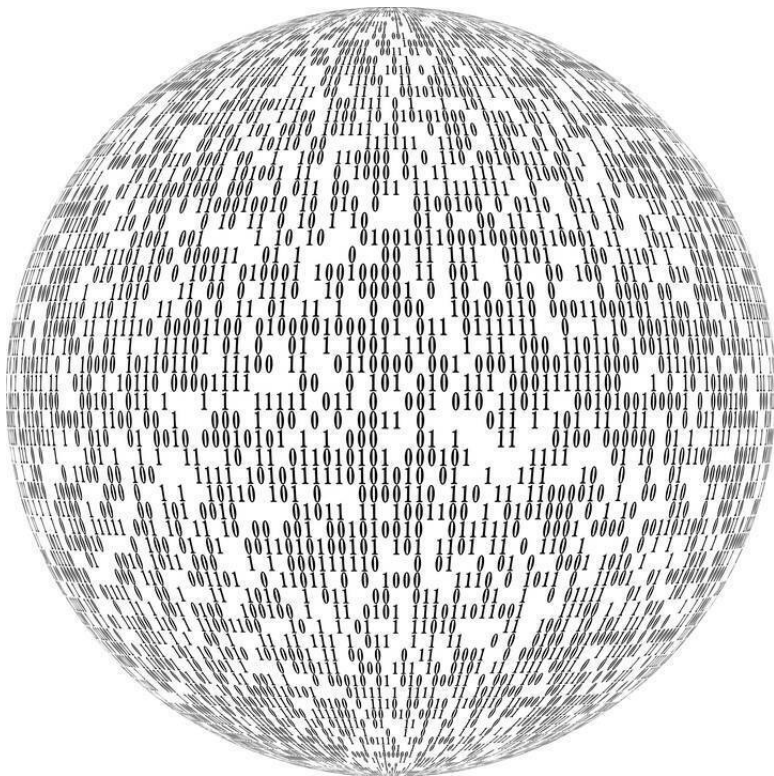
Из этих документов, в частности, было ясно, что АНБ, которое как орган внешней разведки официально не имеет права заниматься прослушиванием американских систем связи, делает это через сотрудничество с иностранными союзниками, ведущими радиоперехват на территории США.

АНБ попыталось пресечь «подрывную» деятельность Бэмфорда и привлечь его к суду на основании Акта о шпионаже. Журналиста обвинили в том, что он завладел секрет-

ными документами, однако в то время администрации Рейгана еще не удалось провести директиву по национальной безопасности, позволяющую перезасекречивать документы.

Вот такие дела мог делать обычный журналист. Представить такое в СССР, даже в современной России, невозможно. С течением времени Рутре это надоело, и он решил оставить эту службу, так как это было связано с риском для жизни и опасностью для свободы. Платили неплохо, но деньги как приходили, так и уходили. Никакого серьезного заработка. Дни и месяцы проходили по типу «жизнь – малина», можно гулять в свое удовольствие. В тот момент, когда он решил, так сказать, с этим «завязать», ему поступило предложение, от которого он не смог отказаться. В системе, в которой он был, не бывает бывших, поэтому уйти просто так было нельзя. Дешевые просьбы ему не хотелось выполнять; продвижение по карьерной лестнице тоже не светило, потому что там надо было служить, выполнять задания. В стране происходили изменения, и окружающая действительность сулила очень даже неплохие перспективы. В общем, Рутра был на перепутье. И тут, откуда ни возьмись, появился Александр Иванович.

Глава 2. Где находится ноль?

Александр Иванович был старый, закаленный боец с наградами и ранениями. У него не было одного глаза, вместо него был протез. Он никогда не рассказывал, что произошло с ним, но сослуживцы шептались, что ему этот глаз удалили добровольно, что вместо глаза там спецустройство. Говорили, что вместо глаза у него искусственный глаз, вернее, прибор с функцией съемки, фотографирования, рентгенограммы и сканирования.

Александр Иванович назначил неофициальную встречу.

– Мы думали, ты обиделся.

– Это почему вдруг?

– Ты долго был нелегалом. Обычно после загранки бойцы возвращаются и получают чин и звание в штабе.

– И что мне светит?

– Получишь подполковника досрочно и статус по грифу секретности.

– Какой?

– Начальник аналитического центра на сверхсекретном объекте и доступ к гостайне.

Не верить Александру Ивановичу у Рутры не было оснований, да и не шутил он никогда, тем более так, но Рутра все-таки насторожился. Он знал, что в такие центры попадают или по «наследству», или за очень большие заслуги. Проверка тех, кто работал в спецсекретных центрах, шла с самого рождения, да и не только их самих, а как говорится – всей

подноготной.

– Я хочу, чтобы ты знал: в системе проблемы, система хочет нового бойца, с абстрактным мышлением.

На это Рутра ответил, что это для него не новость.

– Я уже в системе.

Он знал, что Александр Иванович знает, что он в системе.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Я хочу, чтобы ты попал в первый круг, а еще получил повышение.

– Это какой круг?

– Тот, в который входят особые. Ты прекрасно понимаешь, что оттуда выхода нет.

– Это «аквариум»?

– Вроде того. Надо с тобой съездить в центр А. Я уже переговорил с кем надо сегодня. За тобой давно наблюдают. Но учти, ты попадешь в самый-самый центр. Я назначил встречу рано утром.

В 7:00 они должны были встретиться с Александром Ивановичем и поехать в этот «самый-самый центр». Утром Александр Иванович заехал за ним. За рулем служебной машины сидел водитель, который подозрительно осмотрел Рутру. Номера были военные, серии 16. Они сразу выехали за город и заехали в какую-то особо охраняемую заповедную зону, в которую просто проехать было нельзя, только через КПП с затемненными окнами. На железном заборе висела табличка, гласившая, что это некая усадьба.

Машина остановилась перед воротами, к ним никто не

вышел, документы не потребовал. Александр Иванович кому-то позвонил, и ворота открылись автоматически. Они ехали долго. Рутра даже удивился, что какая-то парковочная зона, какой-то лес являются местом, где располагается сверхсекретный центр.

Они доехали до миниатюрного домика, который со всех сторон утопал в зелени. Его практически не было видно. Если к нему не вела бы дорога, то и не найти его вовсе. Это был красивый домик, как с картинки. Видна была только часть его фасада. Внимательный взгляд Рутры определил, что вокруг множество замаскированных объектов.

– Это домик охотника международного суда, – объяснил Александр Иванович.

– Что это значит?

– Мы его так называем, потому что здесь решается, кто будет на свободе, а кто – в клетке, живой или мертвый. Пойдем.

Они зашли во двор. Александр Иванович поднес большой палец к какому-то устройству, но не со стороны подушечки, как это обычно бывает, а со стороны ногтя. Дверь открылась.

Они зашли в дом. Обстановка была 50-х годов XX века. Все было очень чисто, аккуратно, но никого не было. Они прошли в прихожую, оттуда в следующую комнату, потом в зал, потом еще в одну комнату. В той комнате был камин. Александр Иванович нажал на кнопку на пульте для телевизора. Камин отодвинулся, открылась маленькая площадка.

– Встань рядом со мной, – скомандовал он.

Рутра подошел. Они встали на платформу. Александр Иванович нажал на кнопку, и они начали снижаться. Это был лифт. Они спустились в комнату ниже. Там была еще платформа. Александр Иванович нажал еще кнопочку, и платформа спустилась на этаж ниже.

Было темно. Он взял Рутру за руку и сделал шаг вперед. Рутра шагнул следом. Они оказались в крошечной тьме. Платформа поднялась обратно.

Через секунды две включился свет. Комната была абсолютно пустая; на стенах была только штукатурка, никакой краски, никаких обоев. Александр Иванович вышел в коридор; Рутра последовал за ним.

Коридор освещался тусклым светом. Дойдя до конца коридора, Александр Иванович поднял руку и начал махать, как будто пытался кому-то что-то показать. Вдруг что-то щелкнуло, и стена, которая была перед ними, ушла вниз. Открылся проход.

Александр Иванович шел впереди, Рутра следовал за ним. Они прошли несколько метров, и дверь за ними закрылась.

Вместо цифр на кодовом замке следующей двери были иероглифы. Александр Иванович нажал 6 из них – дверь открылась. Это был тамбур лифта. Они зашли туда, дверь закрылась, лифт пошел вниз. Рутра насторожился.

– Куда мы идем?

– В самый центр.

– Но не в центр Земли же? – пошутил Рутра.

– Не в центр Земли, но в центр, который крутит Землю, – ответил Александр Иванович и многозначительно ткнул указательным пальцем вверх.

Рутра замолчал. У спецов таких служб не принято было много говорить, тем более – шутить. Каждое слово воспринималось как цепь умозаключений, из которой можно было получить массу информации. Если кто-либо неудачно что-то сказал или пошутил, тем более – поступил, это могло стоить ему не только карьеры, но и свободы, и жизни. Бывшим можно было быть при условии, что тебе сотрут память, а так как такой технологии пока не было, насколько знал Рутра, то он понимал, что может разделить судьбу тех, кто «уходил в никуда», как выражались спецы между собой.

Лифт остановился, дверь открылась, и они попали в новый коридор, точь-в-точь такой же, как и предыдущий. Рутра подумал, что это проверка или какой-то прикол.

Они прошли по коридору до двери, которая была замаскирована под стенку. Александр Иванович опять помахал рукой, стена раздвинулась, и они вышли в другой коридор. Рутра подумал, что это испытание на смелость, и даже стал сомневаться, не показалось ли ему, что лифт шел только вниз. А еще он вспомнил, что стена, перед которой махал рукой Александр Иванович, была до лифта, а тут она оказалась после коридора.

Когда они подошли к стене в конце коридора, Рутра по-

нял, что тут что-то не так. Это была не стена, а сплошная стеклянная дверь. То ли она была покрыта черной пленкой, то ли само стекло было черным. На двери была надпись, которая гласила: «Вас видят, вы нет». Александр Иванович опять приложил ноготь большого пальца к устройству, что-то зашуршало, и дверь открылась.

Рутра удивился тому, что увидел. Это была огромнейшая двухуровневая комната, в середине которой крутился огромный глобус. Вокруг были десятки компьютеров, разных устройств, сотни экранов, расположенных по периметру в несколько уровней друг над другом. Рутра даже опешил. Больше всего поразил его глобус. Это был огромный светящийся шар, который проецировался как объемное изображение устройством снизу. На нем подробно был виден рельеф не только суши, но и дна океанов. И он двигался. Присмотревшись, Рутра понял, что он медленно крутится вокруг своей оси. В «небе» летали самолеты; крошечные спутники неслись по своим орбитам. Искусственное солнце четко разделяло зону дня и ночи.

– Что встал? Пойдем, – сказал Александр Иванович.

– Я такого не ожидал. Куда мы попали, Александр Иванович?

– Я уже говорил. В самый центр.

– И что же это за центр?

– Иди за мной. Я уже старый человек, у меня болят ноги, так что не задавай лишних вопросов.

Александр Иванович шел 85-й год, он был немножко грузный, поэтому ему было тяжело. Они прошли до конца комнаты. Никто на них не обратил внимания, хотя, по существу, сделать это было некому – кресла за компьютерами были пусты.

Они подошли к двери кабинета, на котором висела табличка с надписью: НГЦОИ. Александр Иванович постучал и не стал дожидаться ответа. Они зашли в комнату. Там сидел бодрый дедушка лет шестидесяти.

– Добрый день, Юрий Васильевич! – приветствовал его Александр Иванович.

– О-о-о, какие люди! Добрый день, Александр Иванович! Я ждал вас, ждал, – сказал он, подошел к нему, и они обнялись, крепко пожав друг другу руки. – Присаживайтесь.

На стене кабинета была огромная панель, на которой ячейками были показаны изображения с камер наблюдения, в том числе весь путь, что прошли Рутра и Александр Иванович, несколько постов охраны с подобными экранами и множество самых разнообразных видов с поверхности, от кабинетов и фасадов зданий до участков леса, тундры и космоса.

– Вот, познакомься, – сказал Александр Иванович и показал на Рутру. – Рутра Тигрович Пасхов, это и есть он.

Юрий Васильевич улыбнулся, посмотрел пристально на Рутру и сказал:

– Что, был нелегален?

– Был, – ответил Рутра.

– Под какой фамилией? Или эта понравилась, решил оставить? Имя, отчество те же?

Рутра молчал. За годы он многое понял, а именно то, что та система, в которой он находился, – это не то, что представляют о ней рядовые граждане, и не то, что они представляют о спецслужбах. Он был в системе, где надо было скрывать правду даже от самого себя. Иногда он так вживался в роль, что ему казалось, что он и есть тот человек, легенду которого он носил. Юрий Васильевич пока был для него чужим человеком. Кроме того, весь этот случай мог быть очередной проверкой.

Рутра сделал удивленное лицо, будто не понимал, о чем идет речь.

– Я понимаю, что молчишь в целях безопасности. Понимаю, что именно фамилия не соответствует, у меня глаз наметан. Понятно, что она не соответствует твоему происхождению. Но отчество-то зачем такое брать? – то ли интересовался, то ли допрашивал Юрий Васильевич.

Рутра был удивлен.

– Я первый раз такое слышу.

– Понятно, школа. Уже то, что ты здесь оказался, говорит о многом, но боюсь тебя разочаровать. Думаешь, здесь будешь заниматься тем, чем занимался там?

– Понятно, что нет.

– Та задача сейчас не менее важна.

– И чем же я занимался раньше? – расхрабрившись, спро-

сил Рутра, хотя в душе испугался.

Это было то же самое, что сказать, что Юрий Васильевич не владеет ситуацией. Юрий Васильевич был в звании полковника, это было понятно по фотографии, висевшей на стене. На ней он стоял в обнимку с президентом, что говорило о его высоком статусе. Разрядил ситуацию Александр Иванович:

– Может, чаю попьем, Юрий Васильевич? Он немного «залипает»... Я тебе потом все расскажу.

Юрий Васильевич встал, открыл сейф, замаскированный фотографией, и достал бутылку коньяка с изображением Черчилля. «Попить чай» в кругу особо одаренных спецов означало попить чего-нибудь покрепче.

На другом снимке Юрий Васильевич был молодым. Он сидел за столом в компании пограничников. Опытный взгляд Рутры заметил, что они сфотографированы на фоне карты Закавказья.

Юрий Васильевич достал из холодильника тарелку с нарезанной колбаской и малосольными огурчиками, маслины, несколько бутылок минеральной воды «Серебряный ключ».

– То, что ты любишь, – сказал он и показал бутылки Александру Ивановичу.

– Это подарок от него? – спросил Александр Иванович.

– От самого!

Рутра не понял, кого они имели в виду, но, судя по их многозначительному виду, коньяк подарил то ли сам Черчилль,

то ли тот тип, что был на фото. Юрий Васильевич откупорил бутылку, разлил в хрустальные рюмочки, поднял свою и сказал:

– Ну, чисто по-нашему.

Они чокнулись и выпили. «Чисто по-нашему» означало то, что коньяк пили как водку – никто не собирался церемониться с бокалами.

Они рассказывали о разных операциях, в которых участвовали, но Рутра из всего знал только название мест и имена иностранных и отечественных официальных лиц. Он достаточно хорошо был осведомлен и всегда мог поддержать разговор, что и нравилось спецам из старшего поколения. Впрочем, очень многое для него было новостью.

После третьей Александр Иванович с улыбкой сказал, что ему хватит и что теперь за него будет пить Рутра. Какой секретный смысл вкладывал он в эти слова, Рутра не знал, но понял, что старик явно имел в виду не застолье.

Юрий Васильевич протянул бутылку и сказал:

– Давай, дозируй! Еще по одной, и я расскажу тебе о твоей новой роли.

Немного подумав, Рутра сказал:

– Мне трудно понять, что делать: согласиться или отказаться. Все-таки меня пригласили на службу.

Он столько раз проходил разные проверки, что у него выработался рефлекс, и поэтому он решил действовать открыто.

– Я понимаю, что ты долго был за границей. Не могу забыть себя, когда я оказывался в такой ситуации, но помни: если человек не пьет хоть рюмку, то это или язвенник, или предатель, – ухмыльнулся Юрий Васильевич. – Так что выбирай.

Рутра любил коньяк. Он поднял рюмку.

После «чая» Юрий Васильевич пригласил их в зал. По пути Александр Иванович сказал Рутре:

– Я тебе помог, потому что у меня есть планы насчет тебя.

Сказал это он очень грустно; было видно, что ему тяжело. Судя по тому, что Александр Иванович был уже достаточно стар, Рутра понял, что ему нужна будет какая-то помощь.

– До свидания, я пойду, – сказал Александр Иванович.

Они пожали друг другу руки, обнялись с Юрием Васильевичем, и он пошел к двери, но не к той, в которую они вошли. Рутра смотрел ему вслед, пока его не окликнул Юрий Васильевич:

– Рутра Тигрович, раз мы познакомились, объясню одно правило, принятое в центре: руководитель центра может обращаться к подчиненным на «ты». Персонал – только на «вы». Между собой – как сложатся отношения. Мы должны отвыкнуть от служивых замашек, чтобы не выдать себя среди гражданских. Хотя, по идее, мы гражданская служба, как и ЦРУ. Ты понял, надеюсь, о чем я.

– Все ясно, – спокойно ответил Рутра.

– Тогда пошли, я покажу твой пост.

Он повел его на верхний ярус, где был один кабинет, полностью стеклянный, из которого был виден весь зал. Он был выше, чем зал, и оттуда можно было контролировать всех. Рутра обратил внимание, что редкие экраны показывали какие-то изображения. В основном на них были похожие диаграммы. Рутра присмотрелся внимательнее. На большинстве компьютеров в зале действительно были диаграммы. В его кабинете тоже было несколько подобных экранов, на них тоже диаграммы.

– Что это? – спросил Рутра.

– Суть в чем сейчас в мире, знаешь? Мир уже не тот, и ты прекрасно знаешь, что никто никого убивать не хочет. Хочется покоя, все хотят быть богатыми, наслаждаться жизнью. Все поняли, что нет никакого смысла бомбить друг друга и уничтожать, потому что, во-первых, самому будет хуже, во-вторых, нет гарантии, что ты кого-то уничтожишь, а сам останешься целехонький, а в-третьих, рисковать никому не хочется. Даже если есть надежные данные. В-четвертых, даже если ты уничтожишь кого-то, то ты уничтожишь потенциального клиента. Все хотят делать бизнес, гулять, бухать, наслаждаться жизнью, поэтому теперь война идет здесь! – и он ткнул в монитор.

– Что это? – спросил Рутра.

– Это, дорогой мой, пульс планеты.

– Что за пульс планеты?

– Эта диаграмма показывает, что, где и когда происходит,

а главное – за сколько. Это одна из основных частей назначения нашего центра – следить не только за тем, кто, что и где творит или намеревается, но и что делает. Реально делает. Куда и откуда текут финансы, сырье, материалы и, что самое важное, интеллектуальный капитал. В наш центр поступает информация со всех ресурсов, ведущих сбор данных. Со всех спецслужб, со всего мира. Интересует все. В том числе и персональные данные пользователей соцсетей, основные финансово-экономические показатели фирм, корпораций, стран в целом. Также обычные шпионские данные, которые всегда интересовали разведчиков, сведения особой важности. Как тебе, конечно, известно, к сведениям особой важности следует относить сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, научно-технической, разведывательной и оперативно-розыскной деятельности. Нас интересуют не только скрытые, тайные сделки, но и открытые, например – биржевые. Как ты понял, есть здесь и биржевые терминалы. Ты удивлен? Ты думал, это такой секретный центр, который у тебя в воображении? В том-то и дело, что инсайдерская информация – это и есть та самая секретная информация. Ну, например, допустим, судно с высокотоксичным химическим материалом захвачено террористами и направляется, скажем, в Великобританию. Это операция в три этапа. Первая – это работа разведки и контрразведки, то есть заранее об этом знать. Вторая – проникнуть и захватить. Но ты будешь работать над третьим этапом. То

есть сам устраивать последствия таких событий.

– Не понял, – сказал Рутра, подняв брови вверх.

– Никто не знает, как они это делают. Я имею в виду, что какие-то доморощенные террористы не могли, например, организовать серьезные теракты. Ты же понимаешь, что это для обывателя они могут обойти нашу службу, а реально противостоять нам может только высоко организованная спецслужба. И вот люди живут, работают, отдыхают, что-то планируют и в какой-то момент узнают, что захвачено судно и на нем везут химическое оружие. Допустим, корабль пришел в порт сегодня. Что там начнется, когда люди узнают, что существует угроза взрыва и заражения? Суета, паника, бегство капитала, людей. Что произойдет с фондовым рынком этой страны? Он начнет падать, экономика рухнет. Какие последствия? Страна обеднеет, не сможет, например, финансировать научные разработки и, как следствие, через лет десять безнадежно отстанет. А если кто-то заранее подготовился, то есть организовал, чтобы акции подешевели, то тогда он может скупить полстраны. Я немного утрирую. Но ты же понял, о чем я? Раньше было полное противостояние. Если и подрывалась мощь страны, то путем прямого «подрыва». Проще говоря, раньше взрывали настоящую бомбу, а теперь – информационную. Конечно, я немного преувеличиваю, но общий механизм таков. Но самое интересное и самое секретное – не эти сведения, не то, как они добываются, даже не сам центр и его наличие вообще!

Юрий Васильевич замолчал и внимательно посмотрел на Рутру.

– А что? – спросил Рутра, перебрав в голове сотню вариантов.

Юрий Васильевич взял Рутру за край воротника и тихо, словно заклинание, произнес:

– Вся эта информация поступает сюда официально, открыто. Мы ни за кем не шпионим, никуда не проникаем, никого не подкупаем, не взламываем шифры и коды, ничего не воруем. Нам все передают как бы добровольно. Это центр слежки за теми, кто следит за всеми по своему структурному назначению. В этом центре объединены все спецслужбы и разведки. Только они сами об этом не знают. Они не знают, что собранная ими информация поступает сюда. Они не ведают, что есть центр, где обрабатывается информация от всех мировых служб, будь то секретные шпионские или официальные гражданские службы. Как любит говорить наш немецкий коллега, «начиная от роддома и заканчивая бюро ритуальных услуг». Все, все, все. Уразумел, почему о нас не должен знать никто? И еще тебе скажу кое-что. Для тебя это будет сюрпризом.

Полковник снова замолчал.

– Что? – тихо спросил Рутра.

– Мы наднациональные. Мы не подчиняемся правительству России. Мы вообще никому не подчиняемся и могли бы находиться в любой стране. Нам все подчиняются. Наш

центр – центр управления всеми значимыми спецслужбами, в мировом масштабе, а через них – всеми правительствами. Все высшие руководители спецслужб и тайных правительств являются одной группой. Центр имеет множество филиалов и представительств. Главные из них – сами официальные секретные агентства стран. Вот так, дружище, теперь устроен наш славный мир. Информацию больше не нужно добывать и воровать. Можно просто договориться. И кто-то это уже сделал.

– И кто же этот «кто-то»?

– Ты многое еще узнаешь. Поймешь, в каком мире мы живем, – ответил Васильевич, покачивая головой. – А теперь скажи, ты из чьих будешь?

– Из чьих?

– Информация о твоём назначении пришла давно, но прошлое твое туманно. Я не могу его проверить, нет санкции. Если сделаю самостоятельно, это вызовет подозрение. Тут ты имеешь доступ к самым сокровенным секретам – хоть к кодам управления вражеских спутников, хоть к трастовым счетам секретных служб, хоть к ДНК детей президента. Но если ты станешь любопытствовать без надобности – система это зафиксирует и поставит на тебе клеймо «подозрительный». Если не оправдаешься, сгинешь. Рисковать никто не будет. Последние технологии, с которыми ты очень близко познакомишься, дадут понять, что скрыть ничего невозможно. Кроме того, здесь все перепутано. Здесь те, кого ты

считал врагами, товарищи и друзья, ну или партнеры. Борьба, вражда – это договор, спектакль. Если все, что ты узнаешь, кому-либо расскажешь, тебе не поверят, а если поверят, то мир перевернется. Мы здесь должны жить одной семьей, чтобы доверять друг другу, иначе – можно сойти с ума. Та семья, что там, становится чем-то бытовым...

Васильевич ткнул указательным пальцем вверх.

– Ты не можешь и не имеешь права даже заикаться о том, чем ты занимаешься. Забудь все, что ты знаешь. Здесь свой мир, своя культура, свои понятия. Хотя твоя супруга имеет уровень доступа, ее кандидатуру рассматривают на пост администратора. В этом, возможно, тебе повезло.

Рутра молчал, слушал.

– Ты с супругой, наверное, в системе познакомился?

– Почему Вы так решили?

– Здесь, как и во многих спецслужбах, большинство женятся по указке, на «местной». Я тоже первый раз так женился, а нынешняя моя жена даже не представляет, куда я хожу. На твою супругу тоже поступили документы, поэтому я и интересуюсь, из чьих ты. Такое редко бывает.

– Из чьих? Даже не знаю, как-то втянул ее в это дело. Система одобрила, хотя у нее до сих пор допуск только административный.

– Наша служба – это служба контроля всего и вся, а также планирования и прогнозирования. Поэтому сюда по блату, по знакомству, за заслуги родителей не попадают.

– О чем Вы?

– Хочу понять, из какой мафии.

– Мафии?

Рутра даже заулыбался.

– Шутка.

Лицо Васильевича стало серьезным. Рутра тоже стал серьезным. Он понял, что это не совсем шутка. Два прожигающих взгляда вцепились друг в друга, стараясь выкачать всю возможную информацию.

– А какая тут есть мафия? – выдавив улыбку, спросил Рутра.

– Кто со штыком, кто с карандашом.

– Это кто такие?

– Со штыком – военные или бывшие военные, звание здесь номинальные. Эта организация особенная, здесь ранги особого уровня.

– А «с карандашом»?

– Это люди науки, ученые.

– А что, они могут быть опасны?

Васильевич хмыкнул

– Что касается военных, ты можешь знать, что они хотят и, главное, могут сделать, а вот с учеными – это всегда загадка. Что у них там на уме, что они придумали? А самое главное – они могут придумать такое, с помощью чего могут захватить власть над мозгом человека. Вдруг они придумали, как управлять человеком незаметно для него, и позабо-

тились, чтобы человек думал, что он свободен в своем выборе? Что тогда?

Он пристально посмотрел на Рутру и тихо добавил:

– Самая мощная мафия – это мафия ученых.

Рутра не знал, что ответить.

– Не знаю даже, что Вам ответить. Считайте меня нейтральным.

– Нейтральными могут быть только те, кто знает доподлинно сферу военного дела и имеет высокую ученую степень в точных науках. У Вас есть такое?

Последнее Васильевич произнес саркастически.

– Не знаю, тут же принято все скрывать.

– Ладно, пойдемте. Познакомлю с отделами центра, только не забывайте мои слова. Без доверия между собой мы не будем искать врагов где-то, а будем искать их здесь. Мы должны быть одной семьей, одной мафией. Основа основ нашей работы – это сбор, анализ и систематизация информации. Отличие наше от подобных структур в том, что мы входим в особую международную структуру, являющуюся наднациональной организацией контроля контролирующих организаций. Поэтому то, что для других является шпионско-разведывательной деятельностью, для нас есть сотрудничество внутри одной структуры. Тебе это понять трудно пока, но скоро ты все поймешь. Считай, что мы спецслужба контроля мирового правительства.

– Прямо так?

– Я тебе расскажу, из какой структуры мы интегрировались, когда поняли, что ставить целью взаимное уничтожение глупо. Лучше объединиться для контроля противоборствующих, но так, чтобы они ничего не знали. Разделяй и властвуй, как говорится. Так вот, наш центр появился после объединения структур СОУД и «Эшелон».

– Это те самые?

– Да. Радиоэлектронная разведка. Ты входил в систему наружного, визуального наблюдения и анализа того, что шпионила радиоэлектронная разведка. А теперь основную информацию будешь получать от нее, но открыто. Я должен проверить, что ты знаешь о ней.

– Должен?

– Представь себе, мы тебя ждали. Так что – начинай «отчет».

У Рутры была великолепная память, какая и положена сотрудникам его уровня, и он застрочил наизусть:

– Радиоэлектронная разведка – дисциплина сбора разведывательной информации на основе приема и анализа электромагнитного излучения. Радиоэлектронная разведка использует как перехваченные сигналы из каналов связи между людьми и техническими средствами, так и сигналы работающей РЛС, станций РЭБ и тому подобных устройств. Самая главная часть этой системы – СОУД. СОУД, или Система объединенного учета данных о противнике – засекреченная система перехвата информации, созданная еще в

те времена СССР и странами Варшавского договора для ведения глобальной радиоэлектронной разведки. Контроль за ней осуществляли 16-е Управление КГБ и 6-е Управление ГРУ. СОУД объединяла все средства радиоэлектронной и космической разведки СССР, Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, ГДР, Вьетнама, Монголии и Кубы. Собранная информация направлялась для анализа и обработки в два главных компьютерных центра. Первый находится по сей день в Москве, а второй располагался в ГДР. После объединения Германии в 1990 году компьютерный центр, принадлежавший Штази, достался западногерманской разведке БНД, из-за чего СОУД лишилась половины своих возможностей в обработке данных.

Рутра замолчал, перебирая в голове технические данные. У него появился вопрос, не задать который он не мог.

– Аппарат Варшавского договора, насколько я знаю, вывезли. Так ведь?

– А как же. Контроль над центром на самом деле не потерян. Это такой ход конем, но об этом позже. Я понимаю, у тебя общая информация, в рамках допуска. Послушай меня, потом скажешь, что знал из этого, и будешь задавать вопросы. Если появятся... В 1990-х оставшуюся часть СОУД реорганизовали в новую российскую разведывательную систему, объединявшую поначалу все комплексы радиоэлектронной разведки на территории России и некоторых стран СНГ, российский радиоэлектронный центр в Лурдесе на Ку-

бе, базу радиоперехвата в районе аэродрома Камрань во Вьетнаме и специальную радиоаппаратуру в консульствах и посольствах России по всему миру. Противостоит ей система «Эшелон», также известная под названием UKUSA. «Эшелон» – общепринятое название глобальной системы радиоэлектронной разведки, работающей в рамках соглашения о радиотехнической и разведывательной безопасности между Великобританией и США. «Эшелон» имеет возможность перехвата и анализа телефонных переговоров, факсов, электронных писем и других информационных потоков по всему миру путем подключения к каналам связи, таким как спутниковая связь, интернет-сеть и подобные, телефонная сеть общего пользования, СВЧ-соединения. Конфигурацию и установку программного обеспечения в США и Великобритании осуществляла фирма Lockheed Martin. В то время кодовое название «Эшелон» носила сама компьютерная сеть. В фирме Lockheed Martin ее называют P415. Программное обеспечение называлось SILKWORTH и SIRE. Средствами перехвата служили не только станции радионаблюдения и спутники. Специальное оборудование устанавливалось в посольствах, размещалось на кабелях, в том числе подводных; кроме того, использовались многие другие технические средства из арсенала спецслужб. Подобными действиями занимаются многие правительственные организации во многих странах, но отличительная особенность «Эшелона» состояла в глобальности масштабов си-

стемы: ее действие распространялось на весь земной шар. Вторая мировая война оставила в наследство английскому правительственному агентству по коммуникациям, которое действует параллельно с известными службами MI5 и MI6, обширную сеть станций радиоперехвата, расположенных по всей Британской империи, и мощные технологии декодирования. К ним добавились тысячи постов наблюдения, созданные США и их союзниками. Крупнейшая из станций находилась в Эритрее, где использовались самые изощренные методы наблюдения, в том числе анализ радиосигналов, отраженных от поверхности Луны. Обрати на это особое внимание... Система «Эшелон», подобно термоядерной бомбе, атомным подводным лодкам и другим проектам своего времени, создавалась для получения стратегического преимущества над потенциальным противником. Одним из серьезнейших успехов «Эшелона» стал подбор кодов к радиотелефонам, стоявшим в лимузинах советской элиты. АНБ на протяжении нескольких лет, пока КГБ не сменил оборудование, слушало разговоры членов Политбюро. Другой известной сегодня операцией АНБ стала установка аквалангистами с подводных лодок прослушивающих устройств на кабеле военной спецсвязи, проложенном по дну Охотского моря. Вскрылось это случайно. Рыбачий траулер зацепил этот кабель и повредил его. Для устранения неисправностей прибыли специалисты, которые и обнаружили прослушку на кабеле, считавшемся настолько надежным, что командование

советского Северного флота нередко получало указания из Москвы в незашифрованном виде. Как утверждают европейские эксперты, примерно таким же образом АНБ в середине 80-х подключилось к подводному кабелю между Европой и Африкой в Средиземном море. Система «Эшелон» способна считывать данные, передаваемые по спутниковым, радиорелейным, сотовым и оптоволоконным каналам. Одним из методов перехвата информации может быть установка оборудования в непосредственной близости от маршрутизаторов крупных оптоволоконных магистралей, так как большая часть интернет-трафика проходит через них, а их количество относительно мало. Система занимается не только поиском и выявлением террористических баз, маршрутов наркотрафика и политическо-дипломатической разведки, что было бы естественно, но и применяется для крупномасштабных коммерческих краж, международного коммерческого шпионажа и вторжения в частную жизнь с помощью технологии ветровых турбин, разработанной германской фирмой Enercon, и технологии распознавания речи, принадлежащей бельгийской компании Lernout & Hauspie. В 1994 году компания Airbus потеряла контракт на 6 миллиардов долларов с Саудовской Аравией после того, как Агентство национальной безопасности США объявило, что управляющие компании Airbus подкупили чиновников Саудовской Аравии в целях успешного сопровождения контракта.

Юрий Васильевич рассказывал без остановки, наизусть.

Было понятно, что не первый раз. Рутра не решался перебить, однако вопросов набралось много, и он поднял руку, как бы сигнализируя, что хочет задать вопрос. Начальник замолчал.

– Немного не пойму. Вы сказали, что ей противостоит система «Эшелон», – произнес Рутра без вопросительной интонации, просто обозначил область своего интереса.

Лектор немного подумал, затем ответил:

– В системе функционирования спецслужб существует первый уровень, это общеизвестные, и второй – это мы. Первый уровень как работал, так и работает, в том же духе, для развития и контроля полученных данных. Для конкуренции, так сказать, это очень важно. Второй уровень неизвестен первому. Неизвестен в том плане, что они не должны знать, что существует тайный договор о сотрудничестве. Поэтому второй уровень состоит из сотрудников первого уровня, но скрывает свое объединение в отдельную группу. По привычке их называют «Эшелон-1» и «Эшелон-2». Знаешь, как работает АНБ для сокрытия своей деятельности внутри страны?

– Вы имеете в виду, что АНБ официально не имеет права заниматься прослушиванием американских систем связи и делает это через сотрудничество с иностранными союзниками, ведущими радиоперехват на территории США?

– Да, именно.

– Как же, я непосредственно с этим знаком.

– Вот, делай выводы. Об этом же как-то договариваются. И главное запомни: у «Эшелона-2» не бывает провалов. В случае выявления ты обычный предатель, шпион. Заниматься тобой будет, как и положено, «Эшелон-1». Вот такая надежная защита, с соответствующими последствиями. Если предашь своих, раскроешь данные о ее существовании, тебя будет вычислять, захватывать, арестовывать «Эшелон-1» под командованием «Эшелона-2». Понял?

– Начинаю понимать.

– Ну вот и славненько. Познакомься с документами. Если что не ясно, спрашивай. Перво-наперво изучи вот эти данные, с ними ты будешь работать непосредственно.

Он передал папку с перечеркнутой красной линией.

– Для начала это все. Я буду у себя, остальные местные подробности расскажут сотрудники, непосредственно подчиненные тебе.

Сказав последнее, начальник поднял указательный палец вверх, при этом сделал многозначительное выражение лица и ушел к себе.

Рутра осмотрел свое новое рабочее место, оперативный и рабочий зал, познакомился с сотрудниками, вернулся в кабинет, занялся содержимым папки. В папке был один главный документ и множество комментариев к нему. Рутра стал его изучать. В документе значилась следующая информация: «Список программ компьютерного слежения и радиоэлектронной разведки по странам. Список содержит пере-

чень программ компьютерного слежения и радиоэлектронной разведки, реализованных или реализуемых в настоящее время правительствами стран мира, а также международных проектов в данной сфере».

Рутра все хорошо знал, но всё же просмотрел важные:

Международные

«Эшелон» – глобальная система радиоэлектронной разведки, действующая в рамках соглашения о радиотехнической и разведывательной безопасности Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США, также известного под названиями UKUSA.

СОУД – засекреченная система перехвата информации, созданная СССР и странами Варшавского договора для ведения глобальной радиоэлектронной разведки. Действует поныне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.